

Владимир Кац

Я устал от двадцатого века

* * *

Где разбросаны по склонам
узкоглазые оливы,
дует ветер раскаленный
с полусонного залива.
Дует ветер, раздувая
крепдешинное платье,
дует ветер, раздавая
обещанья, что заплатит
за нелепую разлуку,
за тупое обнищанье,
дует, дует ветер-сука
над прощеньем и прощаньем –
над тропинкой, уходящей
в полутень дубовой рощи,
где любовь, как день вчерашний,
ярче видится и проще.

* * *

Ну, будет тебе. Нам хватит с лихвой
Блаженных мгновений години лихой.
И горького привкуса наших побед
Уже наберется на тысячу лет.

* * *

На три четверти пройденный путь
не рождает и тень сожаленья –
все, что можешь забыть, – позабудь.
В бесконечном зеркал отраженьи
закольцованный жизни сюжет
не прочтешь ты ни слева, ни справа –
буквы черные с белых манжет
оппадают, как листья с дубравы.

* * *

Памяти А. Гринберга

Когда я отмотаю отпущенный мне срок,
когда я долистаю последнюю страницу,
и истина простая проглянет между строк,
я выйду за порог, чтоб в небе раствориться...

* * *

Что мне поворот головы
и строго очерченный профиль?
Склонились усталые львы
над веком стальных философий,
над сумрачным веком солдат,
над веком безумных орудий,
где стал опаляющий ад
простой атрибутикой буден.

* * *

Мы не знали с тобою тогда, что почем,
и потом, что почем, мы не знали.
Ночевали, укрывшись дырявым плащом
в продуваемом ветром вокзале.
Наша жизнь на непрочный закрыта замок:
чуть сильнее толкнешь – и все настезь,

и висит, будто «вырванный с мясом звонок»,
да и карта идет черной масти.

* * *

Я устал от двадцатого века,
от его катаклизмов и войн.
Век-убийца, век-волк, век-калека,
я в тебе заблудился, хоть вой.
Что с того, что уже двадцать первый,
ведь все то же – сума и война,
злоба, зависть, и по небу нервно
желтокожая бродит луна.

* * *

Мы перешли с тобою грань веков.
Все меньше сил у нас, хотя еще мы в силе,
и не один десяток башмаков
мы на своей дороге износили.
Паршивое у века ремесло –
в костер вражды подбрасывать поленья.
Каким бы ветром нас куда б не занесло,
надеюсь, мы не станем на колени.

* * *

Смеркается. Между собакой и волком.
Попробуй, поди разбери,
где правда, где ложь, –
мы ищем иголку
при свете сгоревшей зари.

Да что говорить! Здесь слова не помогут,
и что здесь поможет вообще?
И все же искать в бездорожьи дорогу
безумцам в порядке вещей.

* * *

А я чем старше становлюсь,
тем становлюсь сентиментальной,
и этот снимок моментальный
все чаще навевает грусть.
Все чаще сдавливает грудь
бессонный груз воспоминаний,
былых имен, былых названий,
что ни забыться, ни вздохнуть...

* * *

А луч, скользя по подоконнику,
вдруг обнаружит, сколько пыли
за наш отъезд цветы бегонии
на плотных листьях накопили.

И это наше возвращение
в пространство выцветших обоев
вдруг обернется ощущением
безмерной близости с тобою.

* * *

Давай поделим время пополам,
назначив встречу точкою отсчета,
и выметем мы дней прошедших хлам,
чтоб не соврать друг другу ни на йоту.
Давай взлетим в шальные небеса,
и в этой синей голубиной выси
мы будем слышать птичьи голоса
и ощущать движенье каждой мысли.

* * *

Зачерпни журавлем из колодца
ледяной пустотелой воды.

Кто там знает, когда доведется
возвратиться нам в эти сады,
кто там знает, какое ненастье
предстоит нам на долгом пути...
А пока, в полушаге от счастья,
ты в колодец ведро опусти.

* * *

А наемдни по реке проплыли плоты.
А наемдни по тоске птицы не клевали.
Под откосом на траве спали я и ты,
а проснувшись поутру, долго целовались.
Ты неси меня, река, мой разбитый плот,
ты неси меня, река, к Чертовым порогам –
может, насмерть разобьет. Может, пронесет.
И когда чему черед, не понять, ей-богу.

